

Д-р. СЕРГЕЙ ТОКТЬ

Гродно

КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В БЕЛОРУССКОЙ ДЕРЕВНЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX–НАЧАЛЕ XX В.

Проблематика конфессиональной политики Российской империи на белорусских землях в последние годы привлекает повышенный интерес историков, который в значительной степени обусловлен тем несомненным фактом, что эта политика была неразрывно связана с национальным вопросом, с проблемой формирования национальной идентичности жителей Беларуси. В особенной степени данное утверждение, по нашему мнению, будет верным относительно крестьянского населения, для которого религиозная принадлежность являлась важнейшим фактором самоидентификации. В представленной статье нами сделана попытка определить основные направления конфессиональной политики имперского правительства в белорусской деревне во второй половине XIX–начале XX в. Причем особое внимание было обращено на проблему понимания целей и задач этой политики представителями местной государственной администрации, на анализ их действий в конкретных ситуациях. Главными источниками здесь также послужили официальные материалы местных правительственных учреждений.

Что собственно не устраивало российское правительство в той религиозной ситуации, которая сложилась в белорусской деревне в преддверии крестьянской реформы 1861 г. В первую очередь, это невысокий статус официально господствующего православного исповедания в глазах сельского населения, как римско-католического, так и православного. В сознании значительной части крестьян римо-католичество достаточно устойчиво ассоциировалось с *панской верой*, в то время как православие – с *мужицкой верой*. Причем в большинстве своем белорусские сельчане не рассматривали православие и католичество как две

конкурирующие между собой великие ветви христианства. Истоки этой религиозной терпимости, безусловно, уходили во времена существования церковной унии, которые старшее поколение крестьян еще прекрасно помнило. Униатская или греко-католическая вера не противопоставлялась римско-католической, а скорее воспринималась сельскими жителями как ее крестьянский, *мужицкий* вариант. Также помещики римско-католического исповедания не гнушались посещения ими же часто построенных сельских униатских церквушек, крестили там своих детей, там же нередко хоронили своих умерших. Эта традиция в определенной степени содействовала сглаживанию достаточно острых социальных противоречий между крестьянами и их владельцами, существовавших в дореформенной белорусской деревне.

После присоединения униатов к православной церкви в 1839 г. социально-культурная дистанция между католической в подавляющем своем большинстве поместной шляхтой и теперь уже православным, но еще подвластным своим помещикам крестьянством стала возрастать. Восприятие отличий между православием и католичеством в сознании крестьян все более наполнялось идеологическим содержанием, этническими компонентами. Этого требовало от приходских православных священников лояльное к имперской власти высшее духовенство в белорусско-литовских епархиях. На протяжении нескольких лет после присоединения униатов к православию языком проповеди в большинстве деревенских храмов становится литературный русский язык, которым, впрочем, сельские батюшки в большинстве своем владели весьма посредственно. Католичество все в большей степени стало отождествляться сельским населением с *польской верой*, а православие – с *русской верой*. Например, известный исследователь Гродненской губернии полковник царской армии Павел Бобровский, который сам происходил из местного православного, а ранее униатского духовенства, отмечал в начале 1860-х годов, что „в западных губерниях все католики называют себя поляками, относя наименование русских ко всем православным“¹. Безусловно, в разных регионах Беларуси могли иметь место существенные отличия. Например, еще в 1851 г. земский исправник Гродненского уезда писал своему губернатору: „Селений, населенных собственно по вероисповеданию русскими жителями, не имеется, и все местечка, селения, деревни и дворянские околицы населены ту-

¹ П. Бобровский, Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Гродненская губерния, т.1, Санкт-Петербург, 1863, с. 614.

земными жителями, коренно здесь обитающими, которые по вероисповеданию смешаны... в одних деревнях более римо-католиков, в других, возвращенных из бывшей унии и присоединенных к православной церкви"². Начальник губернии письменно объяснил своему подчиненному: „...под именем русских селений следует разуметь, что жители исповедуют православную веру“.

Необходимо отметить, что отождествление католичества с *польской верой*, а православия и униатства с *русской* имело очень давнюю историю и было достаточно широко распространено на белорусских землях уже в конце XVI ст. Но после принятия частью православного населения Речи Посполитой церковной унии в 1596 г. постепенно происходил процесс сглаживания отличий. В конце XVIII ст. внутреннее убранство униатских храмов было уже достаточно близким к убранству римско-католических костелов (скамейки, органы и т.д.). Свои проповеди униатские священники на белорусских землях обычно произносили по-польски, так же как и римско-католические ксендзы. Не углубляясь в детали этого процесса, можно утверждать, что он вёл к постепенному стиранию отличий униатской церкви от католического костела и, в перспективе, к возможной языковой полонизации белорусского крестьянства униатского вероисповедания. Это вызывало протест у части приходского униатского духовенства, которое отстаивало самобытность униатской церкви и пыталось искать поддержки у российских властей.

Таким образом, после ликвидации унии в 1839 г. усилиями российского правительства и лояльного к нему местного духовенства противопоставление в сознании крестьянского населения Беларуси *русской* православной церкви и *польского* католического костела начинает усиливаться. Правда, динамику означенного процесса проследить достаточно сложно. Например, в 1858 г. витебский губернатор отмечал: „Возвращение униатов в православие здесь очень шатко. Многие из бывших униат положительно не знают, какую они исповедают религию, называют себя переверотами“³. Павел Бобровский писал относительно крестьянского населения Гродненской губернии: „<...>уния оставила на нем свой отпечаток, заметный в шаткости религиозных убеждений или, лучше сказать, в бессознательном уклонении от веры

² Национальный исторический архив Беларуси (далее: НИАБ) в Гродно, фонд 1, опись 28, дело 349, лист 16.

³ НИАБ в Минске, ф.1430, оп. 1, д. 30145, л. 13 об.

своих праотцев"⁴. Корреспондент известного этнографа Павла Шейна псаломщик Иван Карский позже характеризовал религиозную ситуацию в Гродненском уезде в середине XIX ст.: „Крестьяне нашего уезда, хотя и были присоединены к православной церкви в 1839 г., но вплоть до 1855 г. все почти церковные обряды совершались на униатский лад. Ходили они правда в церковь, но все молитвы и песни церковные там читали и пели все польские, и в тоже время не в состоянии были пропеть по-русски даже „Господи помилуй!“ . Если священник или причетник бывало предложит им это сделать, то они обыкновенно отвечали: „Мы не москале, каб спевать Господи помилуй“. Из 5 тысяч прихожан только 5 знали русские молитвы, остальные молились по-польски, коверкая слова на свой лад“⁵. Иван Карский также отмечал достаточно низкую религиозность православных крестьян в своем уезде. Представители властей подобную ситуацию обычно объясняли отрицательным влиянием католиков, которые якобы формировали у крестьян неблагоприятное восприятие православия. Дело в том, что в локальном крестьянском мире до 1863 г. лицами с высоким социальным статусом – помещики, экононы, мелкие чиновники, писари – преимущественно были католики. С высокопоставленными особами православного исповедания крестьяне сталкивались очень редко. Чаще всего это были встречи с царскими офицерами, которые не сулили крестьянам ничего хорошего (войска обычно использовались для подавления крестьянских волнений). Небогатые и малообразованные по сравнению с католическими ксендзами приходские православные священники зачастую не имели высокого авторитета среди сельского населения.

Имперская власть прилагала определенные усилия для возвышения статуса православия в глазах крестьянского населения, содействовала благоустройству сельских храмов, особенно в *казённых* имениях. Но до начала 1860-х годов эти действия не отличались энергичностью и систематичностью. Что же касается белорусской католической деревни, то власти практически не вмешивались в ее религиозную жизнь за исключением попыток административным и судебным путем вернуть в православие тех крестьян, которые незаконно, по мнению правительства, из униатства перешли в римо-католичество.

⁴ П. Бобровский, Материалы для географии и статистики России., т.1, с. 492.

⁵ П.В.Шейн, Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-западного края. т.2, Санкт-Петербург, 1902, с. 87-88.

Крестьянская реформа 1861 г. дала мощный импульс настоящей идеологической битве за белорусскую деревню между правительством и местными шляхетскими элитами. Последние начали проявлять в начале 1860-х годов особую активность в сфере распространения начального образования среди сельского населения. При поддержке помещиков и приходского католического духовенства в деревнях открывались школы, где крестьянские дети обучались грамоте на польском и белорусском языках (для этой цели в 1862 г. в Варшаве был издан латинским шрифтом белорусский „Букварь для хороших деток католиков“ („Elementarz dla dobrych dzieciak katalikou“). Конечно, эти школы преимущественно имели явную антироссийскую направленность, поскольку одной из главных целей в их деятельности было воспитание у сельского населения польско-литвинского патриотизма. В свою очередь Попечитель Виленского учебного округа Ширинский-Шихматов писал в 1862 г. министру просвещения Головнину: „Здесь следует воскресить древнюю коренную русскую народность, подавленную долголетним гнетом пришлого польского населения. В здешнем крае следует ослабить и устранить влияние польской национальности, стремящейся заглушить в народе родное ему русское начало“⁶. Именно православие виделось царским чиновникам основанием этого *русского начала*. Достаточно высокий процент среди местного населения белорусскоязычных крестьян-католиков они считали результатом их насильственного *окатоличивания*, которое все же не изменило якобы истинных черт народной души.

Представители местной правительственной администрации формулировали в своих отчетах и различных служебных записках собственное видение данной проблемы. Гродненский губернатор в отчете за 1862 г. называл важнейшими задачами государственной власти: „<...>устройство православных храмов в таком виде, чтобы не уступали римско-католическим костелам и тем привлекали бы к себе прихожан... повсеместное открытие народных училищ под надзором учебного и духовного православного ведомства и с преподаванием в оных учения в духе православия, русской народности и преданности Отечеству и престолу“⁷. Одновременно правительство начало вести решительную борьбу с нелегальными школами, которые открывались поме-

⁶ Русское дело в Северо-западном крае, сост. И.П.Корнилов, вып.1, Санкт-Петербург, 1908, с. 34.

⁷ НИАБ в Гродно, ф. 1, оп. 13, д. 1388, л. 52.

щиками или самими крестьянами без официального разрешения. Как свидетельствуют материалы местной администрации, в первую очередь закрывались те школы, которые действовали среди православного сельского населения. Чаще всего информацию об их существовании властям предоставляли православные священники. Причем особое беспокойство у правительственных чиновников и православного духовенства вызывало использование в таких нелегальных школах в качестве учебников католических катехизисов и молитвенников. Можно предположить, что среди католического сельского населения нелегальные школки до восстания 1863 г. действовали достаточно свободно. Да и властям было значительно труднее узнать об их существовании.

И польскоязычные шляхетские элиты Беларуси, и российские власти в борьбе за белорусскую деревню пытаются использовать белорусский язык, на котором она разговаривала. Один из руководителей восстания Константин Калиновский издает в 1862–1863 гг. на белорусском языке латинским шрифтом пропагандистский листок „Мужіцкая правда“ („Mužuskaja Prawda“). В этом издании значительное внимание уделяется религиозной проблематике. От имени *гаспадара Яськи* автор призывает белорусских крестьян возвратиться из православия к *истинной* униатской вере. Однако этот призыв не возымел должного действия. Для большинства крестьянского населения данная проблема уже не являлась достаточно актуальной. В то же время национальная проблематика в „Mužuskaj Prawdie“ практически не затрагивалась. *Гаспадар Яська* апеллировал к религиозной и социальной идентичности крестьян, но не пытался разбудить у них белорусское национальное самосознание, а только призывал поддержать *польский жонд* (польское правительство) в борьбе с *москалями*.

В начале 1860-х годов правительство издает несколько брошюр на белорусском языке кирилличным шрифтом, адресованных крестьянскому населению. Среди них наибольший интерес вызывают изданные в 1863 г. в Вильно „Разказы на белорусском наречии“⁸. Любопытно, что в отличие от „Mužuskaj Prawdy“ Константина Калиновского, правительственные пропагандисты (об авторах „Разказов“ практически ничего не известно) апеллировали в первую очередь именно к этническому самосознанию белорусских сельчан. В этой книге, например, можно прочесть такие строки: „А мы запэўна саўсім не ляхі: мы самі па сабе народ асобны – Беларусы“. Рассказ „Большая ошибка наших

⁸ Разказы на б'еларускомь нар'ч'і, Вильно: тип. А.Сыркіна, 1863.

белорусов“ убеждал крестьян в ошибочности отождествления национальности и вероисповедания: „Ці ж гэта ня праўда, калі ў нас мужыкоў католікаў завуць Палякамі? Прынаймней, гэтак робяць у Дзісенскім уездзе. Ідзіце вы па сялу, дзе жывуць мужыкі католікі і праваслаўныя, пытаецца: „Хто жыве ў такой-та і такой хаце?“ Вам гавораць: „Католікі ці палякі“. „А ў другой хаце хто жыве?“ Вам адкажуць: „Русакі жывуць, Рускія ці праваслаўныя“. Вот тутыцька і вялікая памылка наша і падабенства да цыган, што тыя з нас, каторыя веруць па-каталіцку, завуцца Палякамі. Якія яны Палякі? У іх мова простая, беларуская, звычаі простыя, беларускія; і звычаі, і мова ў мужыкоў католікаў тыя самыя, што і ў мужыкоў праваслаўных, ці рускіх. Хто добра ведае Палякаў, іх мову і звычаі, той ніколі не скажа, каб мужык-католік быў пахож на Паляка“⁹. Однако, в „Разказах...“ тут же можно также прочитать строки, где утверждалось, что белорусы принадлежат к единому *русскому* народу. Тем самым закладывалась традиция амбивалентного отношения к белорусской народности, так характерная для большинства правительственных чиновников. Эта книга, изданная достаточно большим тиражом, а потом переизданная в следующем 1864 г., прежде всего предназначалась для использования в открываемым в то время сельских народных училищах. Правда, какой была реакция народных учителей и самих крестьян на это белорусскоязычное издание, исследователям практически ничего не известно. А власти вскоре отказались от подобных экспериментов, сделав ставку на использование в народных училищах исключительно литературного русского языка.

Необходимо отметить, что некоторые православные священники также пытались использовать *простой* язык своих прихожан в проповедях с целью привлечения в церковь большего числа верующих и как средство повышения своего авторитета среди них. Профессор петербургской духовной академии и выходец из среды белорусского приходского духовенства Михаил Коялович в 1863 г. на страницах „Литовских епархиальных ведомостей“ рассуждал о историческом призвании „западнорусского“ духовенства. Он писал о оторванности православных священников от своих прихожан: „...видя в нем (священнике – С.Т.) русское, но не полное, он (народ – С.Т.) ставит его в один ряд с чиновниками, а видя в нем польское – зачисляет в разряд панов. А так как

⁹ Цит. по адаптированному тексту В.Казберука: Заняпад і адраджэнне: Беларуская літаратура XIX ст., укл. У.Казберука, Мінск: Мастацкая літаратура, 2001, с. 320–321.

народ не считает своими братьями ни чиновников, ни панов... не мог считать своими братьями также и священников"¹⁰. Коялович считал, что после крестьянской реформы 1861 г. православному духовенству Беларуси „необходимо было отбросить и внешнее великорусское, похожее на чиновничество, и шляхетское польское, еще более чуждое для народа <...> Тут необходимо стало показать народу его чисто родное или показать совершенную пустоту"¹¹. По мнению профессора, православное духовенство Западных губерний не смогло дать достойный ответ на этот вызов времени и найти в себе силу обратиться к прихожанам на их родном языке: „Но что же вышло? Неужели в эти минуты жгучей народной жажды к живому народному слову не нашлось людей, которые оправдали народное доверие и любовь к себе <...> Я достоверно знаю, что во многих местностях западной России есть такие достойные православные священники, особенно в Малороссии и в срединной части Белоруссии... Но к великому сожалению, они все вместе – очень не многочисленны"¹². В „Литовских епархиальных ведомостях“ была опубликована статья приходского священника Василия Пашкевича из Гродненской губернии, который использовал в проповеди *простой язык*¹³. Правда, жители его прихода в Брестком уезде разговаривали на полесском диалекте, насыщенном украинизмами, и сам Пашкевич, который был родом с Волыни, называл этот язык *малороссийским*. Такие примеры всё же были единичными и являлись результатом активности отдельных энергичных священников. Подобная самостоятельность и эксперименты с *простым* языком в борьбе за души белорусских крестьян допускались властями в условиях обострения российско-польского конфликта.

Михаил Коялович в своей статье утверждал, что „западнорусское“ духовенство стоит перед очень непростым выбором: „Таким образом в жизни западно-русского духовенства – три направления: великорусский элемент влечет его к себе, – элемент польский тянет в свою сторону, элемент народный западно-русский тянет к себе“. Сам Коялович не дает однозначного ответа на вопрос: „Куда идти западно-русскому православному духовенству? Какому направлению из указанных нами

¹⁰ М.Коялович, Историческое призвание западно-русского Православного Духовенства, Литовские епархиальные ведомости, 1863, № 2, с. 65.

¹¹ Там же, с. 66.

¹² Там же, с. 66–67.

¹³ В.Пашкевич, О необходимости знания сельскому священнику местного простонародного наречия, Литовские епархиальные ведомости, 1863, № 20, с. 791–797.

следовать, или как соединить их в одно?” Литовский митрополит Иосиф Семашко особенной проблемы выбора в то время не видел и в том же номере „Литовских епархиальных ведомостей“ было напечатано его обращение к православному духовенству и пастве: „Но какое нам дело до Польши! Мы Русские, дети бесчисленной Русской семьи, потомки Святого Владимира, – мы родились в России“¹⁴.

После восстания 1863 г. так называемое *русское дело* становится важнейшим направлением правительственной политики в *Северо-западном крае*. Одним из наиболее эффективных методов *обрусения* считалось обращение или *возвращение* католиков в православие. Гродненский губернатор Скворцов писал генерал-губернатору Михаилу Муравьеву в октябре 1863 г., что необходимо „... как для упрочения в здешнем крае русского владычества, так и для нравственного влияния на простой народ... покровительствовать обращению крестьян католиков в православие“¹⁵. И подобные воззрения разделяло абсолютное большинство представителей государственной администрации в белорусских губерниях. Местные власти и пытались содействовать переходу католиков в православие всеми доступными для них средствами. В своих ежегодных отчетах губернаторы приводили данные о количестве „обращенных в православие“. Подобная статистика отдельной графой проходила также в метрических книгах приходских православных церквей.

Правда, среди чиновников местной администрации встречались различные взгляды на методы обращения католиков в православие. Например, в конце 1864 г. дирекция народных училищ Витебской губернии сообщала губернатору, что во многих местностях „народ склонен к сожалению чествовать римскую обрядность и весьма мало расположен к изучению русской грамоты“¹⁶. Причиной называлось „большое количество великолепных костелов, которое превышает действительную надобность“. Это, по мнению дирекции училищ, было „вредным для развития русской народности“. Поэтому предлагалось часть костелов закрыть. Правда, губернатор тут же указал дирекции, что она вмешивается не в свое дело. Жандармский начальник Дриссенского уезда Витебской губернии, крестьянское население которого было смешанным в религиозном отношении, придерживался более осторожной позиции и уповал на добровольный переход католиков в пра-

¹⁴ „Литовские епархиальные ведомости“ 1863, № 2, с. 44.

¹⁵ НИАБ в Гродно, ф.1, оп. 6, д. 380, л. 9.

¹⁶ НИАБ в Минске, ф. 1430, оп. 1, д. 31482, л. 1.

вославие: „С устройством училищ, преподавания в них науки исключительно на русском языке, православными учителями, давая в них доступ лицам обоих вероисповеданий, а в необходимых случаях даже принуждая к нему, запретив при том всех домашних учителей, гувернеров и т.д., неминуемо повлечет за собой предпочтение православия в народонаселении“¹⁷. Правда, этот чиновник также соглашался, что „закрытие костелов действительно имело бы большое влияние на распространение православия, ибо крестьяне стали бы посещать православные церкви, привыкали бы со временем ко всем обрядам и таким образом сблизилась бы с православием“.

Что же касается православных крестьян Беларуси, то здесь главной задачей местных государственных властей и приходского духовенства после восстания 1863 г. являлось искоренение слишком уж толерантного, по мнению правительства, отношения к католицизму. В 1865 г. витебский губернатор сообщал в Вильно, что „крестьяне западных уездов Витебской губернии, православного исповедания, вследствие продолжительного господства католицизма и унии, деятельной пропаганды ксендзов и помещиков до сего времени не только безразлично посещают костел или церковь, но даже часто первый предпочитают последней и приносят в костел в разных видах подаяние в ущерб церковным доходам“¹⁸. По мнению губернатора, „в костел влечет их благолепие, затмевающее убогие церкви <...> и звуки органа, и торги, базары и ярмарки“. Для исправления ситуации предлагалось наложить на ксендзов, принимающих православных крестьян, денежные штрафы в пользу церкви, запретить органы в филиальных костелах, переместить торги к церквям¹⁹.

Необходимо отметить, что, придавая православной церкви огромное значение в своей политике в Северо-Западном крае, правительство фактически рассматривало приходское духовенство как низшее звено государственного аппарата. Говоря о необходимости повышения статуса и материального благополучия этого духовенства, государственные чиновники разных уровней лично весьма пренебрежительно относились к самим сельским батюшкам. По их мнению, значительная часть священников местного происхождения не проявляла достаточного рвения в реализации правительственной политики. Можно приве-

¹⁷ Там же, л. 4.

¹⁸ НИАБ в Минске, ф. 1430, оп. 1, д. 31875, л. 1.

¹⁹ Там же, л. 3.

ти немало примеров того, как власть не церемонилась с сельским православным духовенством. Например, в 1866 г. гродненский губернатор приказал священникам перенести все придорожные кресты на территорию кладбищ. Это распоряжение было в первую очередь направлено против католиков, однако оно вызвало недоумение и среди православных крестьян. Сельские батюшки тщетно пытались объяснить чиновникам, что ставят кресты при дорогах „по давнему обычаю“²⁰. Однако для власти данный обычай представлялся только примером польско-католического влияния. Священники также нередко становились жертвой различных доносов. Например, настоятеля Ружанского прихода в Слонимском уезде Гродненской губернии Рафаловича в 1867 г. обвинили в том, что его жена дома „преимущественно объясняется на польском языке“²¹. Сам епископ должен был оправдывать этого священника перед губернатором, что „и жена его, и дети хорошо объясняются по-русски“. Подобного рода случаев было немало. Большинство местных батюшек действительно плохо владело литературным российским языком. Присланные после 1863 г. чиновники из великорусских губерний обороты белорусской речи также могли принимать за польский язык и в своем служебном рвении доносить на батюшек губернскому начальству. Безусловно, приходское православное духовенство было полностью лояльным по отношению к имперской власти. Но оно было также достаточно тесно связано самыми различными отношениями с представителями местной полиэтнической и поликонфессиональной среды, а потому часто без особого энтузиазма воспринимало призывы властей усилить борьбу с полонизмом и католицизмом, что значило испортить нормальные отношения со многими своими знакомыми.

Одной из основных проблем правительства в сфере конфессиональной политики во второй половине XIX в. стало белорусскоязычное крестьянство католического исповедания, которое так и не удалось присоединить к православию в 1860-годах, когда в условиях военного положения можно было легко использовать самые различные методы принуждения. Здесь имперская власть столкнулась с достаточно сложной дилеммой. Некоторые правительственные эксперты не верили в возможность привития крестьянам-католикам русского национального самосознания. Один из них, полковник Эркерт предлагал фактически

²⁰ НИАБ в Гродно, ф. 1, оп. 6, д. 641, л. 1

²¹ НИАБ в Гродно, ф. 1, оп. 6, д. 1122, л. 1.

все католическое население Западных губерний отнести к польской национальности, а православное – к российской: „Ничто в западных губерниях России не определяет черты, отделяющей русскую народность от польской, так отчётливо и правильно, как различие вероисповеданий. Таким образом, в западной России, с сравнительно немногими исключениями, все славянские обитатели православного исповедания должны считаться русскими, а все те, которые исповедуют католическую религию – поляками“²². Эркерт не придавал существенного значения проблеме языка сельского населения: „...католик, говорящий на белорусском или малорусском языке, не только в глазах всех жителей православного и католического вероисповедания – Поляк, но и сам считает себя, да и хочет, чтобы другие считали его Поляком“²³. Фактически, царский полковник признавал здесь самоопределение человека за важнейший критерий его национальной принадлежности. Однако он тут же отмечал, как сложно на практике определить это самосознание крестьян: „Язык свой простолудин называет простым, а самого себя Русским, часто даже Литовцем (по политическим преданиям), или просто крестьянином <...> Польское дворянство, а в особенности католическое духовенство часто употребляет выражение „Литовцы“ о тех католиках, у которых родным языком остался русский“²⁴. Свои выводы Эркерт основывал на личных наблюдениях и на том практическом опыте, который приобрели российские военные во время подавления восстания 1863 г. Но рациональные выкладки Эркерта противоречили уже достаточно распространенной в российских интеллектуальных кругах мифологеме, согласно которой крестьянство *Святой Руси* (до которой крепнувший русский национализм относил и белорусские земли) представляет собой некое мистическое народное тело, составляющее оплот самодержавной власти.

Наиболее серьезным оппонентом Эркерта стал Павел Бобровский, который решительно оспаривал разделение белорусскоязычного крестьянства по религиозному признаку: „(...) не достаточно знать кто ходит в костёл и кто в церковь, надобно ещё знать, кто говорит по белоруски и кто по польски, чтобы верно разграничить соприкосновенные народности“²⁵. Российское правительство в большей степени при-

²² П.Ф.Эркерт, Взгляд на историю и этнографию западных губерний России, Санкт-Петербург, 1864, с. 6.

²³ Там же, с. 8.

²⁴ Там же, с. 6.

²⁵ Там же, с. 23.

няло точку зрения Бобровского, что было целиком логичным. Ведь если католическую шляхту можно было объявить „наносным пришлым элементом“, то признание поляками местных крестьян-католиков подрывало миф о „исконно русском“ характере этих земель, которые в соответствии с усиливающимся националистическим дискурсом в сознании российской политической элиты составляли неотъемлимую часть *Святой Руси*. Верное царю крестьянство становило основной элемент этого мифа. Оно должно было восприниматься только как неделимая целостность. В конце концов российские власти проводили достаточно активную обрусительную политику даже в отношении крестьянства *Царства Польского* или *Привислинского края*, польское этническое происхождение которого ни у кого не вызывало сомнения. Правда, в этот случае в успех обрусения пожалуй никто не верил. Естественно, что правительство не могло уступить польскому национализму белорусскоязычных крестьян-католиков *Западного края*, которые во всех официальных статистических материалах, начиная с 1860-х годов, фигурировали в графе „*Белорусы*“.

Но проблема заключалась в том, как привить этим крестьянам русское самосознание и лояльность в отношении самодержавия? Одним из путей виделась русификация самого католического костела путем введения в богослужение русского языка. Этот вопрос уже достаточно подробно рассмотрен в научной литературе. Высочайшее разрешение от 25 декабря 1869 г. позволяло прихожанам „иноверных церквей... которые считают родным языком русский, **в том или другом его наречии** (выделено нами – С.Т.)... слушать на русском языке проповедь и те части богослужения, которые совершаются не на латинском“²⁶. Попытки ввести русский язык в католический костел предпринимались, прежде всего в восточной и центральной Беларуси. В то же время, например, в Гродненской губернии государственная власть проявляла в этом отношении большую осторожность. В 1876 г. виленский генерал-губернатор обратился с запросом к гродненскому губернатору: „...производится ли где богослужение на русском или еще на каком наречии и к какому племени принадлежат составляющие приход этого костела жители“²⁷. Губернатор на это ответил, что в костелах его губернии проповеди произносятся только на польском языке²⁸.

²⁶ НИАБ в Гродно, ф.1, оп. 27, д. 1770, л. 9.

²⁷ Там же, л. 156

²⁸ Там же, л. 157.

В 1866 г. католическое духовенство Витебской и Могилевской губерний обратилось к властям с прошением разрешить перевести на белорусский язык допущенные цензурою проповеди Филипецкого и Бялlobeцкого и читать эти проповеди прихожанам на белорусском языке. Фактически многие ксендзы и так использовали белорусский язык в своих проповедях. Высокопоставленный чиновник при генерал-губернаторе А.П.Стороженко докладывал М.Муравьеву после поездки по Могилевской губернии летом 1864 г.: „Священники (православные – С.Т.) по деревням никогда не говорят проповедей, а напротив допускают православный народ, по выходе из церкви, отправляться в костел и слушать казание (проповедь), которое ксендз пропагандист говорит им на белорусском наречии“²⁹.

Правительство использовало в качестве эксперта по этому вопросу минского епископа Михаила Голубовича, который в феврале 1866 г. изложил свое мнение Обер-прокурору Святейшего Синода: „В состав Белоруссии входят губернии Витебская, Могилевская, часть Виленской, Минская и Гродненская. В двух первых замечаются поднаречия, именно: на окраинах смежных с внутренними губерниями простонародный говор приближается к Русскому. В Минской губернии в части Речицкого уезда и в Мозырском говорят полумалороссийским, а в Пинском – полесским, т.е. грубым малороссийским наречием, в Гродненской губернии в уездах Брестском, Кобринском, Пружанском и Бельском говорят по малороссийски, в Гродненском по-над рекою Неманом по литовски, в Сокольском и Белостоцком уездах поселенцы мазуры говорят польским жаргоном. При таком разнообразии наречий, которому дать преимущество для перевода на оный проповеди? Выбор трудно сделать и потому, что говорящие по малороссийски не терпят белорусского языка и наоборот. Белорусский язык не обработан, на нем невозможно выразить отвлеченных мыслей, евфония его весьма неприятна, зачем же его ставить на подмостки литературного наречия, когда неуклонною целью правительства должно быть обобщение чисто русского языка, и когда к тому способствуют открытые народные церковные и городские училища. Да и теперь простой народ достаточно понимает русский язык. К тому же в Белорусский язык в продолжение крепостного состояния вкралось много польских слов и оборотов. Кто ж пору-

²⁹ М.Долбилов, Полонофобия и русификации Северо-Западного края (1860-е гг.): метаморфозы этностереотипов [на сайте] <http://mion.sgu.ru/empires/artikles/index.htm>.

читься, что ксендзы не будут пользоваться этим для поддержания хотя тени польского языка (...) Я протестовал против печатания бывшим попечителем кн. Ширинским-Шихматовым на Белорусском языке книги для чтения в народных училищах и теперь протестую против перевода на оный латино-католической проповеди. Заподозривать домогательство латинского духовенства о переводе проповеди на Белорусский язык я имею исторические основания, именно иезуиты. Они, поселившись здесь, предварительно изучали простонародный язык и на нем соблазняли православных”³⁰. Таким образом бывший униат Михаил Голубович решительно выступил против использования белорусского языка в римо-католическом костеле. Одной из причин этого являлся страх перед „соблазнением“ католическими ксендзами православных прихожан. Любопытно, что сам Голубович в то же время вел свой личный дневник на польском языке. Закон о народных училищах для *Северо-Западных* губерний от 23 марта 1863 г., теоретически допускал использование *местных наречий* при обучении Закону Божьему детей католического исповедания (о православных белорусах даже речи не велось)³¹. Но практических шагов для того, чтобы использовать белорусский язык в сельской школе, ни правительство, ни католический костел не сделали. Правда, как мы уже отмечали, еще в 1862 г. в Варшаве был издан букварь-катехизис для детей крестьян-католиков на белорусском языке латинским шрифтом (можно здесь вспомнить, что первая в XIX в. печатная книга на белорусском языке была издана в 1835 г. также католическим костелом в Вильно). Но после восстания 1863 г. католическое духовенство уже все силы направило на защиту и сохранение польского языка в костеле. Во второй половине XIX–начале XX в. в среде белорусской интеллигенции католического происхождения, воспитанного в польской культуре, реальные шаги в деле развития белорусскоязычной культуры сделали люди, близкие к социалистическим кругам (Франтишек Богушевич, Вацлав Ивановский, братья Иван и Антон Луцкевичи). И уже их деятельность пробуждала белорусское национальное самосознание среди части местного католического духовенства, прежде всего крестьянского происхождения.

Одной из основных целей политики российского правительства являлось устранение или хотя бы минимизация влияния католического

³⁰ А. Миловидов, Распоряжение и переписка графа М.Н. Муравьева относительно римско-католического духовенства в Северо-западном крае, Вильно, 1910, с. 12.

³¹ Полное собрание законов Российской империи, Собрание II, т. 40, № 39411.

духовенства в сфере народного образования. Но именно здесь имперская власть потерпела наиболее ошутимое поражение. Как убедительно свидетельствует правительственная статистика, дети крестьян-католиков неохотно посещали правительственные народные училища и церковно-приходские школы. Это было следствием отрицательного отношения католического населения к государственной школе, в которой активно проводилась антикатолическая пропаганда, а особенно в церковно-приходских училищах. Кроме того, дети крестьян-католиков фактически не имели шансов после окончания народного училища поступить в учительскую семинарию или на службу в государственное учреждение. Католическое сельское население это прекрасно осознавало. Например, крестьяне Боярской волости Волковысского уезда Гродненской губернии заявили в 1885 г. мировому посреднику: „... нам нет смысла учить своих детей грамоте, поскольку католиков не принимают ни в учительскую семинарию, ни на службу в полицейские урядники и жандармы, если же правительство желает иметь грамотных солдат, то пускай само их и учит, а для хозяина-земледедца грамота не нужна“³².

В результате почти все крестьянство католического исповедания было охвачено нелегальным, *тайным* обучением, инициированным в большинстве случаев приходскими ксендзами. Все попытки властей полицейско-административными методами бороться с тайной школой были обречены на провал. Согласно данным переписи 1897 г., процентный показатель грамотных людей среди крестьян-католиков был значительно выше, чем среди православных крестьян. Например, среди православных белорусов Гродненской губернии показатель грамотных достигал 17,3%, а среди католиков – 35,4%. Среди женщин православного исповедания в этой губернии данный показатель составлял только 5,4%, а среди католичек – 31,2%. Причем в большинстве своем крестьяне-католики Гродненщины в переписных листах декларировали умение читать и писать на польском языке, а нередко еще сообщали переписчикам, что научились грамоте в костеле.

Нарастание революционных настроений в российском обществе в начале XX в. заставило царское правительство пойти на либерализацию своей конфессиональной политики. В апреле 1904 г. был издан известный указ о веротерпимости, который отменял наиболее одиозные ограничения, направленные против католического костела. Католи-

³² НИАБ в Гродно, ф. 38, оп. 1, д. 24, л. 3.

ческое духовенство белорусских губерний попыталось в этой ситуации добиться официального разрешения на использование польского языка в правительственной школе. Им была инициирована массовая подача ходатайств в местные органы власти от крестьян-католиков с просьбами допустить польский язык в народные училища для преподавания на нём Закона Божьего. Но власти всегда отказывали просителям, ссылаясь на их белорусскую этническую принадлежность и язык домашнего общения. Например, на запрос земского начальника из Гродненского уезда о возможности преподавания ксендзами в школах его участка Закона Божьего на польском языке директор народных училищ губернии ответил: „Поскольку население участка состоит исключительно из белорусов, говорящих на своем природном белорусском языке, то Закон Божий учащимся римско-католического исповедания... может преподаваться только на их природном языке“³³. На прошение жителей местечка Ружаны Слонимского уезда Гродненской губернии ответ властей был следующим: „В Ружанском училище родной язык всех учащихся белорусский. Поэтому преподавание Закона Божьего для учащихся римо-католического исповедания в названном училище должно вестись на языке белорусском“³⁴.

Здесь возникает вопрос: Возможно, российские власти готовы были допустить использование в правительственной школе белорусского языка и даже в определенной степени рост белорусского национального самосознания среди крестьянского католического населения. Однако для царских чиновников характерной являлась амбивалентная трактовка термина *Белорус*. В одном и том же документе можно прочитать строки о полезности развития белорусского национального самосознания среди местного населения, но уже через абзац оно откровенно рассматривается лишь как региональная форма общерусского самосознания, а белорусский язык называется наречием русского.

Какими были взаимоотношения крестьян католического и православного исповедания в свете острого политического и религиозного противостояния на белорусских землях, каким было их видение этого противостояния? Можно утверждать, что в этих взаимоотношениях враждебности не было. Известно лишь несколько фактов, которые с определенной натяжкой можно назвать конфликтами на религиозной

³³ НИАБ в Гродно, ф.1, оп.18, д.1080, л. 25.

³⁴ НИАБ в Гродно, ф.1, оп.18, д.1097, л. 194.

почве. Причем почти все они были спровоцированы властями, которые передавали ранее принадлежащие католикам храмы православным. Данные метрических книг православных приходов показывают, что достаточно обыденным явлением в крестьянской среде оставались смешанные в конфессиональном отношении браки. При выборе потенциального жениха или невесты конфессиональная принадлежность, безусловно, играла свою роль, но более важным фактором являлись материальное положение и моральный авторитет крестьянской семьи. Хотя по существующим законам дети от смешанных браков между православными и католиками должны были стать православными, решающее влияние имела социальная среда. В католической деревне такие православные являлись ими лишь формально. Они посещали костел, молились и читали религиозные книги на польском языке, а когда это стало юридически возможным после 1904 г., официально стали переходить в католичество. В большинстве случаев православные батюшки и местные чиновники вынуждены были мириться с подобным положением вещей. В архивных материалах были отражены прежде всего конфликтные ситуации, порожденные радикализмом или принципиальностью одной из сторон.

Стремлением крестьян избежать конфликтов на религиозной и национальной почве был порожден феномен *тутэйшости*, особенно явно проявившийся именно на территории конфессионального пограничья. Для него было характерным сознательное уклонение от четкой национальной самоидентификации и открытого декларирования своей национальной принадлежности. Один из корреспондентов известного этнографа Павла Шейна писал из Витебской губернии: „Зовут себя белоруссы насъкими, тутейшами, русскими же или белоруссами – никогда. Раскольников зовут москалями, панов и мелкую шляхту – поляками, на вопрос же: какой он веры? Отвечают – панской веры (имеется в виду католичество – С.Т.)<...>”³⁵. Другой корреспондент Шейна И.В.Карский отмечал практически то же самое относительно крестьян Гродненщины: „Крестьяне нашей губернии не называют себя ни русскими, ни белоруссами. Некоторые считают себя литвинами <...> Вообще о себе и о своей стране они выражаются так: „мы тутейшые, наша страна ни руска, ни польска, але забраны край!(...) Великоруссов крестьяне называют казаками, москалями и русаками. Поляков

³⁵ П.В.Шейн, Материалы для изучения быта и языка..., с. 21.

они не любят вообще, помещиков же польских просто ненавидят”³⁶. Подобные черты самосознания белорусского крестьянина отмечал этнограф-любитель Адам Богданович: „Но даже и теперь есть немало белоруссов, которые под словом „русские“ понимают староверов, издавна живущих в Западном крае. А если вы к таким белоруссам обратитесь с вопросом – кто они такие в смысле национальности, то очень многие вам только и могут сказать, что они „тутэйшыя“, т.е. здешние, или что они мужики, словно бы это их национальное отличие или словно бы только одним белоруссам и свойственно быть мужиками. И к вашему заявлению, что они русские или белоруссы, они отнесутся довольно скептически: называй, дескать как хочешь <...>”³⁷. Феномен *тутэйшости* оказался достаточно устойчивым и просуществовал в некоторых пограничных микрорегионах до конца XX в. Известный белорусский писатель Алексей Карпюк так характеризовал национальное самосознание своих земляков: „У вёсачцы Грыбоўшчына праваслаўныя жылі побач з католікамі. Адны і другія гутарылі тым самым, што і ў маім Страшаве, беларускім дыялектам са значным уплывам украінскай і польскай моў, густа перасыпанай германізмамі. На пытанне ж – беларусы яны ці палякі, упэўнена заяўлялі: „Не-е, мы тутэйшыя! Нават гаварыць ні папольску, ні па-беларуску не ўмеем! Па-просту гаворым! Гэта за каралём нас пісалі палякамі, за царом – рускімі; халера іх бяры, няхай сабе так і пішучь – абы нас не чапалі!”³⁸. *Тутэйшость* вызывала раздражение и у правительственных чиновников, и у белорусских и польских национальных деятелей, стремящихся пробудить у крестьян национальное самосознание, но она объективно содействовало сохранению мира и спокойствия в поликонфессиональной деревенской среде.

Отсутствие серьезных конфликтов на религиозной почве между крестьянами католического и православного исповедания прежде всего можно объяснить их принадлежностью к общей традиционной культуре. Исследователи не находят существенных отличий в народных обычаях и обрядах католиков и православных. Различие вероисповедания практически не имело влияния на домашний язык крестьян. Но всё же, различная степень влияния на прихожан со стороны духовенства формировала и некоторые отличия в социальной и культур-

³⁶ Там же.

³⁷ А.Е.Богданович, Пережитки древняго міросозерцання у белоруссов, Гродна, 1895, с. 5.

³⁸ А.Карпюк, Вершалінскі рай. Аповесць, Мінск: Мастацкая літаратура, 1974.

ной жизни католиков и православных в белорусской деревне. Возрастание вертикальной и горизонтальной мобильности среди сельского населения Беларуси во второй половине XIX–начале XX в., резкое увеличение числа контактов сельчан с городским миром ускоряли процессы распада традиционной деревенской культуры, еще достаточно сильно пронизанной в белорусской деревне языческими обрядами и ритуалами. Результатом этого становилось и снижение религиозности сельчан, что было своеобразным вызовом приходскому духовенству. Католический костел проявляет в этот период необычайную активность в борьбе за сохранение своего влияния. Православные же сельские священники больше уповают на поддержку государственной власти. И здесь наблюдается интересный факт, еще в недостаточной степени изученный историками и этнографами. Процесс распада традиционной народной культуры, что отмечал уже в начале XIX в. один из основателей белорусской фольклористики Зориан Доленга-Ходаковский, более динамично проходил в католической деревне. Здесь быстрее исчезали фольклор и традиционная обрядность, но религиозность сельчан оставалась в целом достаточно высокой, что проявлялось прежде всего в старательном исполнении церковных обрядов и правил. В православной же сельской среде вместе с большей консервативностью в отношении языческих традиций и обрядов в конце XIX – начале XX века явственно наблюдалось снижение религиозности, особенно среди молодого поколения. Этнографы и мемуаристы отмечали проявления крайнего скептицизма в отношении религии, иронично-насмешливое, а нередко просто враждебное отношение крестьян к духовенству. В значительной степени это являлось также следствием конфессиональной политики российской власти. Псаломщик из Гродненского уезда Иван Карский писал: „Нельзя сказать, чтобы наши крестьяне и в настоящее время посещали храм Божий усердно и охотно <...> попадают и очень усердные к храму Божию крестьяне и крестьянки, но таковых очень мало“³⁹. По мнению Ивана Карского, в его родном приходе насчитывалось около 5000 крестьян, а в праздники церковь посещали только около 200 человек. Мемуарист М.Павликовский писал про крестьян Минской губернии: „Младшее поколение еще сохраняет к православному клеру безразличие, окрашенное юмором <...> Со временем разговоры с лесниками и браконьерами укре-

³⁹ П.В.Шейн, Материалы для изучения быта и языка..., с. 87.

пили во мне убеждение, что белорусский крестьянин вольнодумец, ба – агностик”⁴⁰.

В целом эффективность конфессиональной политики российских властей в белорусской деревне оценить довольно сложно. Попытка *обрусить* католический костел закончилась неудачей. Не принесла особых успехов и политика перевода крестьян-католиков в православие, поскольку большинство из „обращенных“ после 1904 г. вернулись в католичество. В сознании сельских жителей Беларуси в исследуемый период католичество достаточно устойчиво ассоциировалось с *польской верой*. Можно только предполагать, насколько имперская власть ограничила проникновение в белорусскую католическую деревню польской национальной культуры, если вообще ограничила. Что же касается православной белорусской деревни, то здесь конфессиональная политика властей достигла определенных результатов. В сознании большинства православного крестьянства Беларуси в начале XX в. был сформирован достаточно устойчивый негативный образ католического костела. Понятия *православный* и *русский* в глазах большинства белорусских крестьян являлись, по существу, синонимами. Только относительная замедленность процессов экономической модернизации и консерватизм белорусской деревни, а также недостаток ресурсов у государственного аппарата являлись главными преградами на пути ее языковой ассимиляции. Но в православной деревне в этот период также явственно просматривалось нарастание революционных настроений, проявления нелояльности по отношению к властям, что сопровождалось также снижением авторитета сельского духовенства.

RUSIJOS IMPERIJOS KONFESINĖ POLITIKA BALTARUSIJOS KAIME XIX a. II pusėje–XX a. pradžioje

Sergej Tokt'

Santrauka

Rusijos imperijos konfesinė politika Baltarusijos kaime buvo susijusi su nacionaliniu klausimu, su valstiečių nacionalinio identiteto formavimo problema. Šios

⁴⁰ Цит. по: R. Radzik, Między zbiorowością etniczną a wspólnotą narodową. Białorusini na tle przemian narodowych w Europie Środkowo-wschodniej XIX stulecia, Lublin, 2000, c. 194.

politikos tikslas – sustiprinti imperijoje vyravusios stačiatikybės statusą ir apriboti katalikybės įtaką. XIX a. 7-ajame dešimtmetyje imperijos valdžia stengėsi priversti katalikų tikėjimo valstiečius pereiti į stačiatikių tikėjimą. Kita valdžios politikos kryptis – katalikiškų kaimų bažnytinėse pamaldose įvesti rusų kalbą. XX a. pradžioje šios politikos laimėjimai buvo menki. Rusijos valdžiai nepavyko priversti katalikų dvasininkų, kad šie nešviestų kaimo gyventojų. Provincijos dvasininkai stačiatikiai buvo visiškai lojalūs valdžiai ir tapo savitu valdžios aparato priedu, o tai menkino jų autoritetą Baltarusijos valstiečių akyse.

CONFESSIONAL POLICIES
OF THE RUSSIAN EMPIRE IN RURAL BELARUS
in the Second Half of the 19th C. – Beginning of 20th C.

Sergej Tokt'

Summary

The confessional Policies of the Russian Empire in rural Belarus was tied to a ethnic question, the problem of the formation of national identity for the peasants. The purpose of these policies was to strengthen the status of the dominant in the empire Orthodox faith and limit the influence of the Catholic faith. In the 1860s the government of the empire tried to force the Catholic faith peasants to convert to the Orthodox religion. Another direction of the government policies was to introduce the Russian language into the Masses of Catholic parishes. At the beginning of the 20th c. the political victories of these policies were modest. The Russian government did not succeed in forcing the Catholic clergy to abandon its efforts to increase the literacy of the rural inhabitants. The Orthodox clergy in the province was totally loyal to the authorities and became a peculiar adjunct to the government apparatus, a circumstance that lowered its authority in the eyes of the Belarus peasantry.